

**ВЕРА
КУШНИР**

ЖИЗНЬ ЛИШЬ
ОДНА

Вера Кушнир

**Жизнь лишь одна. Повесть о
миссионерской выносливости**

«Titel-Verlag»

2006

Кушнир В. С.

Жизнь лишь одна. Повесть о миссионерской выносливости /
В. С. Кушнир — «Titel-Verlag», 2006

ISBN 3-934583-34-2

Биографическая повесть о жизни и служении Леона Розенберга, основателя и директора американо-европейской миссии «Вефиль», читается легко и увлекательно, основана на большом фактическом материале, воспоминаниях Веры Кушнир, Марии Слорт и др. В этой книге нет вымысла, она написана одной из пяти внучек Л. Розенберга, известной христианской писательницей и общественной деятельницей Верой Кушнир, которая продолжает дело, начатое однажды её дедом. Эта книга необычна, а в некоторых отношениях даже уникальна. Знаток раввинской науки, Л.Розенберг стал ревностным проповедником и миссионером Креста Христова. Во славу Божию, книга посвящается многочисленным потомкам Леона и Фанни Розенберг, а также всем читателям, которые хотят следовать тернистым, узким путём за нашим Спасителем и Господом Иисусом Христом. Я бесконечно благодарна всем, кто молился и поддерживал меня во время моего многомесячного странствия по «пустыне» пожелтевшего архива в поисках хронологической последовательности в этой незаурядной повести. Выражаю искреннюю признательность брату Константину Бондарю за безвозмездную корректуру русского текста, а также Марии Слорт, младшей дочери Розенбергов, – за воспроизведение по памяти отдельных деталей этой замечательной истории, за чтение и корректуру английской рукописи. Жизнь лишь одна так быстро пролетит, лишь то, что Божье, вечно устоит! Вера Кушнир

ISBN 3-934583-34-2

© Кушнир В. С., 2006

© Titel-Verlag, 2006

Содержание

Введение	7
Часть 1	9
Глава 1 Раннее воспитание в древних традициях	9
Происхождение	9
Обрезание	11
Еврейская школа	12
Цитцит и ермолка	13
Мезуза	14
Ханукка – праздник посвящения	14
Пурим	15
Лаг Б'Омер	15
Суббота	15
Суккот	17
Пасха	17
Страх перед крестом	19
Детская шалость	19
Подготовительные занятия	20
Самоуважение	20
Первая и последняя сигарета	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Вера Сергеевна Кушнир
Жизнь лишь одна. Повесть о
миссионерской выносливости

© Titel-Verlag, 2006

Введение

Уступая настойчивым, многолетним просьбам друзей и сотрудников в Божьем винограднике, мы решили, наконец, опубликовать описание жизни и служения основателя и ныне покойного директора американо-европейской миссии «Вефиль» Леона Лазаревича Розенберга.

Повесть о жизни этого человека необычна, а в некоторых отношениях даже уникальна. Она передает путь знатока раввинской науки, ставшего ревностным проповедником и миссионером Креста Христова. Его жизнь делится на два совершенно разных мира: иудейский раввинский мир, в котором Леон Розенберг родился и провел юные годы до 20-летнего возраста, воспитываясь в строго ортодоксальном духе, и христианский мир, в котором он прожил весь остаток жизни после своего духовного возрождения.

Последние годы ранней молодости Леона, завершившиеся успешным окончанием раввинской семинарии, были проведены во мраке неопределенности и глубокой тоски от внутренней борьбы, неудовлетворенной жажды знаний и поисков истины. Сила такого рода духовной борьбы известна только тем, кто сам ее пережил. Пропасть между раввинским иудаизмом и библейским христианством, которое мы назовем в данном контексте «мессианством», казалась непреодолимой. Власть закона, строгие требования старцев с их бесконечными правилами и предписаниями оказали глубокое влияние на жизнь Леона, между тем как свет верного пророческого слова, проливаемый книгами библейских пророков, оставался скрытым от ума и духа учащихся у раввинов; его изучение строжайше запрещалось.

Подлинным чудом можно назвать подвиг того, кому удается выбраться из лабиринта раввинских «интерпретаций» и «объяснений» Священного Писания, изложенных на страницах непомерно запутанного Талмуда. Но, с другой стороны, часто поверхностные и догматические проповеди христиан, представляющих Иисуса Христа как обещанного и ожидаемого Мессии Израиля, только усугубляли внутреннюю борьбу того, чье жизнеописание мы намерились опубликовать.

Перед биографом стоит задача познакомить читателя с некоторыми ранними, слабыми попытками нашего героя найти доказательства мессианства Иисуса из Назарета, в частности, Его притязаний на звание Единородного Сына Божия. Изложения горячих споров с теми, кто отстаивал эти притязания, откроют глаза многим читателям и познакомят их с такими иудеями, которые не потому иудеи, что родились таковыми, а потому, что стали ими по личному выбору и вере (Римл. 2:28–29).

Мир раввинского, талмудического иудаизма ничем не похож на христианство. Аргументы, к которым прибегал юный Леон Розенберг, защищая свою веру, и то, как он, в конце концов, преодолел все преграды и камни преткновения на пути своего обращения ко Христу, помогут многим из тех, кого интересует спасение Израиля как нации и личное спасение тех, кто принадлежит к этому народу.

В жизни Леона Розенберга признание Христа своим Господом и Спасителем было настоящей победой благодати Божией и могучим подтверждением того, что Евангелие Христово есть «сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину» (Римл. 1:16). Несмотря на то, что борьба между тьмой и светом в жизни Леона Розенберга продолжалась довольно долго, слава Богу за то, что окончательная победа была за Господом! Раввинский пыл и рвение Леона возродились вместе с ним и были освящены, полностью отданы на то, «дабы возвещать совершенства Призвавшего нас из тьмы в чудный Свой свет...» (1 Петр. 2:9).

Оба мира, в которых прошла жизнь Леона Розенберга, были насыщены волнующими событиями, подробное описание которых потребовалось для того, чтобы показать резкое разграничение между этими мирами. В годы раннего детства и юности Леона, сына раввина, гото-

вили к раввинскому служению, чтобы он последовал по стопам отца. Опыт второго, христианского мира, в который Леон вступил после своего духовного возрождения, делится, в свою очередь, на несколько периодов, из которых первый был проведен в царской России, строгие законы которой запрещали распространение Евангелия¹. Оберпрокурор Священного Синода Православной церкви Константин Победоносцев строго следил за тем, чтобы эти законы не нарушались, а их нарушители сурово наказывались.

Дивное водительство Господа в жизни героя нашей повести повело его не только на славные вершины особых благословений, но и в долину смертной тени – во времена погромов и ссылки в Сибирь.

Вторым периодом христианской жизни Леона была жизнь при советской власти. Это было время открытой борьбы большевистского режима со всеми видами религии, когда бывшие гонители из рядов официальной церкви были судимы и ссылаемы вместе с теми, кого они еще недавно так яростно преследовали.

Третий период – годы гитлеровского нацизма со всеми его ужасами, унесшими из жизни дочь и зятя Розенбергов, старшую сестру Леона с мужем и тремя детьми, некоторых других родственников, а также служителей и более 200 питомцев сиротского приюта «Вефиль» в Польше. Все эти близкие Розенбергам люди испили горькую чашу страданий вместе с миллионами евреев, уничтоженных только за то, что они были евреями.

Четвертый и самый прекрасный период в христианской жизни Леона Розенберга длился почти двадцать лет в США, после возрождения миссии «Вефиль» и рождения Израильского государства в Палестине. Это был самый радостный и плодотворный период в жизни закаленного в житейских бурях миссионера. Многие пришли ко Христу в результате молитв и стараний директора миссии, его жены и их сотрудников в США и Израиле. Леон Розенберг часто повторял, что самый ценный урок, преподанный ему Господом за все прошедшие годы, заключался в том, что ничто не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе (Римл. 8:39).

Большая часть жизни Леона Розенберга прошла под тенью Голгофского креста и во многих отношениях напоминает жизнь апостола Павла, о котором Сам Господь сказал: «Я покажу ему, сколько он должен пострадать за имя Мое» (Деян. 9:16). Зная это, Павел не боялся страданий и писал верующим в Риме: «...Думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас» (Римл. 8:18). Леон Розенберг также глубоко верил в постоянство Христовой любви и часто в своих выступлениях цитировал апостола Павла: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Римл. 8:35–39).

Мы пишем эти строки с глубокой благодарностью Богу за Его неизреченную благодать и милость, которая так обильно обогатила жизнь этого выдающегося служителя Иисуса Христа, и молимся, чтобы повесть о нем послужила источником благословения и ободрения для всех читателей.

¹ Речь идет о запрете на проповедь Евангелия представителями деноминаций, отличных от Русской православной церкви.

Часть 1

Глава 1 Раннее воспитание в древних традициях

Происхождение

Леон Розенберг был восточно-европейским евреем, которых называли ашкенази². Несколько слов следует сказать о предках Леона, хотя бы о ближайших из них. Его деда по отцу, Акиву, высоко уважали и ценили в обществе за честность и щедрость характера. За особые заслуги император Николай I наградил его исключительной привилегией владения землей, хотя в царской России евреям не разрешалось приобретать землю. У деда Акивы был прекрасный участок земли, но сам он не занимался земледелием. Он поручил управление хозяйством доверенному и опытному эконому, а сам проводил время за изучением Писаний и Талмуда.

Родители матери Леона тоже были уважаемыми гражданами своего общества. Дед, раввин Йосселе, был известным «ландоном», т. е. высоко ученым человеком. За свою эрудицию и богобоязненность он был признан в хасидских³ кругах праведником, у него были тысячи приверженцев и последователей.

Леон Розенберг родился 15 февраля 1875 г. в городе Ополе, нынешней Польше, которая тогда принадлежала к огромной Российской империи. Он был сыном-первенцем у отца Елеазара (Лазаря) и матери Гали. Отца Леона знали как ребе Елеазара ха-Когана, т. е. как священника. Здесь будет уместно отметить, что еврейское священство по сей день строго соблюдается в израильском народе. Сан священника не может быть воспринят произвольно, т. е. любым раввином или другим еврейским духовным служителем. Это служение несут только те, кого синагога признает потомками колена Левия и сынами Аарона (Числ. 3:9-10).

Можно ли сегодня установить священство? Существуют ли родословные, документирующие священническую преемственность? На эти вопросы мы должны ответить отрицательно. Однако, хотя генеалогические документы до нас не дошли, преемственность тщательно сохраняется преданием – от отца к сыну, от поколения к поколению. Апостол Павел писал о некоторых преданиях, которые хранил сам, и об апостольских преданиях, словах и посланиях, держаться которых советовал церкви (Гал. 1:14; 2 Фес. 2:15, 3:6). Согласно словам пророка Осии (3:4), еврейский священник, находившийся вдали от Иерусалима и лишенный Храма, не имел права приносить жертвы и исполнять другие ритуалы, связанные со служением именно в Храме. Но у священников рассеяния было много иных обязанностей, помимо ритуала выкупа первенцев (Числ. 18:15).

На субботних и праздничных богослужениях им отдавалось предпочтение: только священник мог раскрывать и читать свиток Торы в дни великих праздников и произносить Ааро-

² Ашкенази, или ашкеназы, – это часть евреев, потомки выходцев из средневековых германских княжеств. Ашкенази составляют большую часть еврейского населения Европы и Америки, больше половины еврейского населения Израиля. Язык – идиш (германская группа индоевропейской семьи языков). В противоположность ашкенази, сефарды – этническая группа евреев, пользующаяся языком ладино (сефардским), близким к испанскому. Это потомки выходцев с Пиренейского полуострова, живут в странах Северной Африки, Малой Азии, Балканского полуострова, а также в Израиле.

³ Хасидизм (от древнееврейского слова «хасид» – благочестивый) – движение еврейского религиозного возрождения, возникшее в первой половине XVIII века среди еврейского населения Волыни, Подолии и Галиции. Началось как оппозиционное движение против официального иудаизма, в частности раввината. Во главе хасидских общин стоят цадики (евр. «праведники»). Постепенно хасидизм сблизился с раввинатом, противоречия были в значительной степени устранены.

ново благословение (Числ. 6:24–26). Никто, кроме священника, не мог этого делать, – даже раввин или руководящий молитвами. Это делалось по указанию Бога, данному Моисею (ст. 23).

Аароново благословение в рассеянии сопровождается специальной церемонией: священник разувается и после ритуала омовения рук становится перед ковчегом, заменяющим Ковчег Завета в ветхозаветной Скинии или Храме. В современном ковчеге хранятся свитки Торы (один-два или больше). Священник покрывает голову таллитом (молитвенной шалью) и поднимает руки, символизируя крылья херувимов на крышке ветхозаветного Ковчега – престола Божьей милости в Святом святых. Определенно сложенными пальцами рук он тоже изображает крылья херувимов. Произнося благословение (Числ. 6:24–26), священник останавливается после каждого стиха, давая присутствующим возможность ответить соответствующими молитвами. Главной целью такого ревностного сохранения должности священника в наши дни является поддержание готовности к служению в Храме, о скором восстановлении которого в Иерусалиме, когда придет обещанный Мессия, евреи мечтают с незапамятных времен.

Один из раввинов, у которого Леон Розенберг учился в семинарии, обучал исключительно сыновей священников, готовя их к служению в будущем Храме. Этого раввина называли Хофез Хаим из-за его крайней набожности и веры в то, что Мессия придет еще при его жизни. Эта вера и побуждала его готовить священников к служению в Храме.

У Леона было три дня рождения. Его первый, фактический день рождения – 15 февраля 1875 г. Однако, потому что он был сыном священника, день рождения нельзя было зарегистрировать в бюро гражданских регистраций. Его отцу было неловко регистрировать своего сына-первенца у светских (языческих) властей. В оправдание он приводил текст из Книги Чисел (23:9), где говорится, что Израиль не должен числиться между народами. Под «народами» в Ветхом Завете всегда подразумевались язычники. Как известно, Израиль сам вел запись родословных и производил периодические переписи общества.

Второе возражение отца Леона было основано тексте: «...Только колена Левиина не вноси в перепись и не исчисляй их с сынами Израиля...» (Числ. 1:49). И все же идти против гражданского закона отец Леона не решился и, будучи обязан это сделать, зарегистрировал рождение своего сына 22 апреля, вместо 15 февраля. Он не внес имя сына таким, каким оно было дано ему в синагоге при обрезании, т. е. Исаак Левий, но записал: «Леон, сын Лазаря Розенберга». Эта дата стала официальным днем рождения Леона, она указана во всех его документах.

Третий день рождения пришел позже, уже в 20-летнем возрасте, когда Леон был выпускником раввинской семинарии. Это новое рождение произошло тогда, когда Леон обратился ко Христу и принял Его как своего Спасителя и Господа. Об этом рождении свыше Иисус говорил иудейскому начальнику (учителю, как назвал его Иисус) Никодиму в Евангелии от Иоанна: «...Должно вам родиться свыше» (3:7).

Новая регистрация не отразилась в записях еврейской синагоги, и занесенное туда имя оставалось неизменным, как и имя Исаак Левий, данное Леону во время священного обряда введения его в завет Авраама. В записях синагоги он значился как «Исаак Левий, сын Елеазара священника». В ортодоксальных синагогах фамилии тогда не упоминались. Евреи чуждались тех светских фамилий, которые гражданские власти давали им, а синагоги совершенно их игнорировали. Во-первых, светские фамилии были новшеством в их истории. Во-вторых, евреи считали, что указание фамилии нарушает их религиозные права, отличные от других народов. Как известно, семейные связи в Израиле строго регламентировались законом Моисея, гласившим, что Израиль должен оставаться особым народом, избранным Богом. Имена, которые евреи давали своим детям, имели обычно библейское происхождение и были нераздельно связаны с именем отца.

Так продолжалось многие поколения, пока австрийский император, пожелавший пополнить свою казну, не издал указ о том, что каждый еврей в его владении обязан купить себе фамилию из предложенных ему сборщиками податей. Эти фамилии брались из названий растений, минералов и животных. Вот почему мы так часто встречаем среди евреев фамилии, основанные на таких немецких словах, как кот, пес, теленок, корова, вол, медведь, волк, лев, серебро, золото, бриллиант, камень, кузнец, портной, плотник. Все эти фамилии были, конечно, переложены на идиш. Фамилиями, взятыми от названий растений или их частей, были такие, как Блюм, Баум, Цвейг, Грюн, Розен. Нередко они сочетались с другими словами, например: Бирнбаум (грушевое дерево), Розенберг (гора роз), Розенталь (долина роз), Розенфельд (поле роз) и т. д. Фамилиями, образованными от названий животных или минералов, были, например: Вольф (волк), Фогель (птица), Левен (лев), Кальб (теленок), Фукс (лисица), Зильберштейн (серебряный камень), Гольдштейн (золотой камень) и т. д.

Однако, как я уже написала, в синагоге еврейская идентификация оставалась прежней, как в Библии: «Моисей, сын Авраама», «Давид, сын Иессея» и т. д. Следуя этому правилу, молодой Леон никогда не был известен в синагоге как Розенберг. Когда в субботу или во время праздников молодого человека приглашали читать текст из Торы, его называли тем именем, которое было дано ему во время обрезания, а именно: Ицхак бен Елеазар ха-Коган, т. е. Исаак, сын Елеазара священника.

Обрезание

По сей день обряд обрезания строго соблюдается ортодоксальными и неортодоксальными евреями во всем мире. По этому признаку нацисты во время Второй мировой войны легко и безошибочно опознавали евреев даже тогда, когда ни внешность, ни фамилия не выдавали их еврейства. На восьмой день после рождения мальчикум обрезают крайнюю плоть по предписанию книги Бытия (17:9-13). Этот обряд был заветом Бога с Авраамом, и никакой еврей не мог рассчитывать на звание потомка Авраама и участника его завета с Богом без совершения над ним обряда обрезания. Во время этой процедуры раввин или его помощник, мохель, который производил эту операцию, говорил: «Имя этого ребенка в Израиле будет...» – и называл имя, которое родители заранее приготовили для своего ребенка. Согласно раввинской традиции, вся эта церемония была совершена, в присутствии молящейся общины, над маленьким Исааком Левием, сыном Елеазара.

В строго ортодоксальных раввинских кругах пророка Илию считают хранителем Святого Закона и, веря, что он присутствует на этой церемонии, ставят для него кресло или скамью, которая так и называется – скамья Илии, по-еврейски «Кисее Шел Элияху». На этой скамье обычно сидит раввин, который держит ребенка во время процедуры обрезания. В отсутствие раввина, эта почетная роль может быть предоставлена другому лицу. Во время процедуры обрезания нараспев произносится молитва: «Блажен Ты, наш Господь и Бог, освятивший нас и давший нам заповедь обрезания». После церемонии отец ребенка прославляет Бога за дарованную ему привилегию ввести дитя в завет отца Авраама. Собрание отвечает молитвой за ребенка, чтобы «он возрос и вступил в закон брачного шатра и добрых дел».

Во время помазания произносится другая молитва – о пришествии Царя Мессии, послании Помазанника во всем Его достоинстве для возвещения Своему рассеянному народу Благой вести примирения. Эта молитва заканчивается словами: «Всеблагой, пошли нам праведного Первосвященника, Который остается удержанным в потаенном месте Неба и сокрытым до тех пор, пока Его яркий, как солнце, и блистающий, как бриллиант, престол будет приготовлен для Него». Во время этой торжественной церемонии отец Леона Елеазар и мать Гали посвящали своего первенца Богу в молитве, прося, чтобы он был «Годель б'Израэль» – «великий муж среди Израиля».

Родившись в семье священника, маленький Исаак Левий, по велению Бога, не подвергался «Пидион хабен» – выкупу первенцев. Дети священников освящаются для Бога особым образом, а все остальные еврейские первенцы подлежат выкупу за пять серебряных сиклей, как предписано в книге Чисел (3:11–13, 45–50). Бог сказал, что все первенцы принадлежат Ему, потому что они были пощажены в Египте под защитой крови пасхальных агнцев.

Выкуп первенцев должен был совершать священник, признанный таковым всем израильским обществом. Эта процедура была тогда и остается поныне торжественной и священной. Когда мальчику исполняется месяц, отец должен представить его священнику. Отец и мать свидетельствуют, что ребенок – их первенец, затем из Священного Писания читается Божье постановление о выкупе первенцев, и отцу задается вопрос, готов ли он, согласно Божьему постановлению, уплатить цену выкупа за ребенка. Отец торжественно отвечает: «Да, я готов исполнить повеление Святого Бога, благословенно имя Его! Я желаю уплатить цену выкупа монетой, которая в обиходе святилища» (или ее современным эквивалентом). На это священник отвечает: «Я беру эти деньги вместо вашего сына. Это его замена. Это цена освобождения. Да войдет это дитя в жизнь и в закон страха Господня».

Еврейская школа

Маленький Леон начал свое образование с изучения еврейского языка. Как я уже писала, первенцы раввинов должны были тоже стать раввинами, а потому их обучение начиналось с изучения священного языка, по-еврейски – Лош ха-Кодеш (древнееврейским языком тогда не пользовались как обиходным). К трем годам Леон должен был знать первые молитвы по-еврейски, поскольку, по преданию раввинов, в этом возрасте Авраам пришел к познанию живого Бога. Из этого следовало, что религиозное просвещение детей нужно начинать как можно раньше.

Первый класс в еврейской начальной школе считался «закладывающим фундамент». От того, что учащийся усваивал, зависело продолжение или прекращение его подготовки к раввинскому служению. Сознвая свою ответственность перед Богом, наставник (меламед тинкет), как правило, относился к своей профессии очень серьезно, следил за доверенными ему малышами и добивался максимума прогресса в отведенный для него короткий срок. Он заботился о каждом ученике индивидуально, понимая, что на него возложена почетная обязанность подготовки будущих раввинов. В первые несколько дней обучения учитель обычно пользовался указкой, обращая внимание на формы букв алфавита. Для закрепления знаний ученики должны были читать вслух. Последующее обучение в раввинской семинарии (Бет ха-Мидраш) требовало от учеников настоящей эрудиции и высоких умственных способностей.

Веря в библейский метод обучения, учитель Леона следовал совету Соломона и не «щадил розги», считая, что ее применение служит доказательством любви к ребенку: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Прит. 13:24). Его розгой был ремень, применение которого заставляло малышей слушаться и прилежно учиться. Со словами: «вы должны знать это» учитель быстрыми темпами и в короткий срок добивался значительных успехов.

Родители Леона поощряли и поддерживали религиозное образование сына, знакомили его со всеми ритуалами, церемониями и праздниками. Они с восхищением следили за его успехами, побуждая мальчика повторять утренние и вечерние молитвы только по-еврейски. Его первой молитвой по утрам была хвала: «Славлю Тебя, живой и вечный Царь, что Ты возвратил мне душу только по Твоей великой милости и обилию верности. Да будет Тебе угодно не допустить, чтобы я даже на минуту впал в Твою немилость». Перед сном произносилась другая молитва: «Благословен Ты, Господь наш и Бог, Царь Вселенной, смыкающий дремотой и сном веки моих глаз. Да будет в Твоей воле, о Господь, мой Бог и Бог отцов моих, дать мне

спокойно лечь и встать. Да не смущают меня тревожные мысли и неприятные сны, ни злые помыслы, но да будет покой мой совершенным пред Тобою. Облегчи глаза мои, да не усну я сном смертным, ибо Ты, Господи, в славе Своей даешь свет всему миру, Боже, верный Царь. Слушай Израиль, наш Бог есть Бог единый. Благословенно имя Его и Царство Его во веки и веки. Во имя Господа, Бога Израилева, пусть будет Ангел Михаил с моей правой стороны, и Ангел Гавриил с моей левой стороны, Уриэль впереди и Рафаэль сзади, а надо мною – Божественное Присутствие Славы Божьей (Шхина)».

Изучать Священное Писание и обращаться в молитве к Богу можно было только на древнееврейском языке. Считая греческий языческим, израильские книжники и переписчики Писания отвергли не только Септуагинту⁴, но и все другие еврейские религиозные Писания, переведенные на этот язык, считая их недостоверными. Религиозные евреи признавали только три текста, которыми и пользуются по сей день, – так называемые Таргумы⁵.

Многие евреи, бежавшие из Иудеи в Александрию и Египет после осады Святой Земли царем Навуходоносором, стали последователями Филона Александрийского⁶. Забыв еврейский, они начали пользоваться греческим языком, поэтому им понадобился греческий перевод Священного Писания. Палестинские евреи презирали их за это и прозвали греками, т. е. эллинами. Однако тем из них, кто по возвращении в Палестину восстановил еврейский язык, было разрешено вступать в синагоги на равных правах с другими евреями. Это были эллинисты, о которых говорится в Новом Завете и которых апостол Павел встречал в разных местах в синагогах. Вместе с другими евреями они принимали участие в богослужениях. Обладая широкими взглядами и терпимостью, эллинисты охотно слушали проповеди Евангелия. Вполне очевидно, что они не были просто греками, которые никогда бы не пришли на богослужение в еврейское место поклонения.

Цитцит и ермолка

В одежде ортодоксальных евреев есть два предмета, которые обязаны носить все мужчины от мала до велика. Первая называется арба-канфот (что значит «четыре угла») с кистями из белой и голубой шерсти на каждом углу (цитцит). Эта своеобразная «рубашка» носится прямо на теле и покрывает грудь и плечи. Ее носят во исполнение Божьего постановления, данного Моисею в Книге Чисел (15:37–41). Назначение этой части одежды – напоминать носящему ее о верности заповедям и постановлениям Господа. Раввины превратили ее также в предмет защиты от злых духов. Вторая, неизменная часть туалета ортодоксального еврея – это хютель (уменьшительное от немецкого Hut, т. е. шляпа, шапочка), или ермолка (тоже мягкая шапочка). Для постоянного ношения ермолки были две причины: во-первых, еврей должен всегда отличаться по своей одежде от других народов и, согласно заповеди, «не ходить путями язычников». Во-вторых, чтобы отличаться от язычников, которые молятся с непокрытой головой, еврей должен молиться с покрытой. Во 2-й книге Царств (15:30–32) говорится о том, что покрытие головы также служит знаком траура. Здесь Давид представлен во время траура по

⁴ *Септуагинта (LXX) – греческий перевод Ветхого Завета, появившийся в III веке до Р.Х. в Египте. Своё название (греч. «семьдесят») получил от легенды, по которой этот труд осуществили 72 мудреца. Сохранились исторические сведения о работе 72 ученых над переводом Пятикнижия. Септуагинта стала основополагающим текстом Ветхого Завета в христианской Церкви в первые века христианства.*

⁵ *Таргумы (евр. «перевод») – арамейские переводы (местами переложения) Ветхого Завета. Различают «Таргум Онкелос» (по имени приписываемого автора) и «Галилейский таргум» (на галилейском диалекте), представленный двумя рукописями: Иерусалимский Таргум I (Таргум Ионатана бен Узиэля или Псевдо-Ионатан) и Иерусалимский Таргум II («Отрывочный Таргум»).*

⁶ *Филон Александрийский (ок. 25 до Р.Х. – ок. 50 по Р.Х.) – выдающийся иудейско-эллинистический религиозный философ и богослов. В своих текстах соединял иудаизм с греческой философией, прежде всего стоическим платонизмом. Своим аллегорическим методом толкования Священного Писания оказал сильное влияние на становление христианской экзегетики первых веков христианства, а также на средневековую культуру.*

причине посягательства на престол и мятежного восстания против него собственного сына – Авессалома. Верные последователи Давида покрыли свои головы, и поэтому нынешние евреи, потерявшие царство и храм, гонимые всеми народами, остаются в трауре до тех пор, пока Бог не восстановит их прежнее положение. На ночь, ради удобства, еврей надевает мягкую белую шапочку.

Мезуза

С самого раннего детства внимание Леона привлекала мезуза на дверях его дома и домов всех его еврейских соседей. Ее прибавляли к дверной раме во исполнение повеления во Второзаконии: «...И напиши их (Божьи заповеди. – Авт.) на косяках дома твоего и на воротах твоих» (6:9). В соответствии с раввинским толкованием этого повеления, каждый еврейский дом должен иметь на дверной раме филактерий. Этот филактерий на косяке назывался мезузой и был маленьким, узеньким ящичком, внутри которого хранился пергаментный свиточек с написанным на нем текстом из книги Второзакония 4–7, начинавшимся словами: «Слушай, Израиль...» (Шма Исраэль). Этот текст был написан четким почерком признанного, синагогального писца (софера), чтобы священный текст, помещенный в металлическую коробочку, не искажался, и буква «шин» – v (первая буква одного из имен Бога – Эль Шаддай – Всемогущий) виднелась сквозь малюсенькое отверстие мезузы. Приготовленная таким образом и освященная старшим раввином мезуза прибавалась к правой дверной раме, вертикально на уровне глаз.

Входя и выходя из дома, старые и молодые его жильцы прикасались к мезузе и целовали потом палец, которым прикасались к букве «шин». Этим жестом они применяли к себе лично слова: «Благословен ты при входе твоём, и благословен ты при выходе твоём» (Втор. 28:6) и из Псалма: «Господь будет охранять вхождение твоё... отныне и вовек» (120:8). Этот обычай практикуется и сегодня повсюду, где живут евреи, особенно в Израиле.

Мезуза означает Божью защиту. В одном из самых ранних писаний раввинов, так называемой «Мехилте»⁷, говорится о помещении мезузы на дверной раме в память о крови пасхального агнца, которой евреи мазали косяки своих дверей в Египте в ночь избавления их первородных сыновей от ангела смерти, проходившего по стране. Однако из-за частого повторения имени Господа при касании мезузы она иногда воспринимается у евреев как мистический амулет.

Ханукка – праздник посвящения

Народные праздники и священные дни были настолько точно предписаны и истолкованы, что не могли не оставить глубокого следа на впечатлительном сердце маленького Леона. Раз в году на подоконнике самого большого окна, выходившего на улицу, ставили специальный восьмисвечник, и в течение восьми дней зажигали масло в чашечках на его веточках, по одной чашечке каждый вечер, пока в конце концов не горели все восемь, освещая гостиную и бросая яркую полосу света на улицу. Со временем евреи заменили светильники с чашечками для масла простыми восьмисвечниками. При свете светильника пелись торжественные гимны, прежде всего так называемый «Моуц Цур Иесимети». Затем читали историю об Антиохе Епифане IV, тиране из династии Селевкидов, осквернившем святой Храм, и о том, как всемогущий Бог даровал победу ревностным братьям Маккавеям, сыновьям священника Маттафии, которым удалось превозмочь врагов и очистить, заново освятить Храм. Светильник с чашечками для

⁷ Мехилта (евр. «мера») – название двух мидрашей Гемары на книгу Исход, II–III вв. По Р.Х.

масла (или свечами) напоминал о чуде, которое тогда произошло в Храме, чуде, благодаря которому священники смогли вновь зажечь золотой светильник.

Светильник считался священным, его нельзя было осквернять использованием в хозяйственных целях. Он был предназначен исключительно для служения Богу и памяти о том великом чуде, которое Он совершил в древности для Своего народа, когда Бог указал священникам на запечатанный сосуд, полный священного елея. Сосуд хранился в потаенном месте святилища. Врагу не удалось найти и осквернить его, зато после освобождения Храма священники смогли зажечь золотой светильник, который горел непрерывно в течение восьми дней праздника посвящения (обновления), хотя масла в нем было достаточно лишь на один день. Об этом празднике упоминается в Евангелии от Иоанна (10:22).

Пурим

Событие, описанное в Книге Есфирь, было с детства знакомо Леону Розенбергу. Он знал о чудесном избавлении евреев от руки злого Амана, но во дни праздников радовало не древнее избавление, а сам праздник Пурим, полный игр, веселья, танцев и переодевания. Во время этого праздника пелись хвалебные и благодарственные псалмы Богу за дарованную когда-то победу. В память об этом событии люди обменивались подарками, и в знак всеобщей дружбы и радости, по древнему обычаю, благодарили бедным, вдовам и сиротам (Есф. 9:22–23).

Лаг Б'Омер

Этот день был отделен для празднования наступления весны на полях, за городом, и был особенно любим молодежью. В этот день вспоминали также о Святой Земле и Святом Иерусалиме, о времени, когда израильтяне, будучи земледельцами, сеяли, жали и собирали плоды садов и виноградников. Согласно Священному Писанию, в утро после Пасхи самые ранние плоды и первые колоски должны быть принесены в жертву Богу в храме. С этого дня израильтяне должны были точно считать дни в течение семи недель до дня жатвы первых плодов, когда они совершали в храме праздник седмиц (недель), по-еврейски Швуот (Исх. 34:22).

Сегодня, когда евреи опять могут собирать урожай в государстве Израиль, этот праздник приобрел новое значение. В Лаг Б'Омер, или 33-й день, молодежь совершает далекие экскурсии за город. Учителя и ученики начальных школ и раввинских семинарий уходят на поля, чтобы играть там в разные игры с помощью самодельных луков и стрел, деревянных пил, символизирующих древние армии израильских царей. Эта затея всегда нравилась угнетенной и презираемой окружающими еврейской молодежи, поскольку направляла мысли на воспоминания о славном прошлом Израиля.

Суббота

Еженедельное празднование ветхозаветной субботы строго соблюдалось в доме Леона Розенберга. Это был не просто день отдыха и поклонения Богу, но и день тесного, теплого семейного общения. Все приготовления к святой субботе должны были быть закончены до заката солнца. Пища для субботнего стола сохранялась теплой в специальных, заранее нагретых и герметично закрытых печах до следующего дня. Топить печи в субботу не разрешалось (Исх. 16:23; Числ. 15:32). Для субботних завтраков, обедов и ужинов готовилась самая лучшая и вкусная пища, причем даже беднейшие еврейские семьи не были исключением из этого правила.

Замужняя еврейская женщина (обычно жена хозяина дома) зажигала субботние свечи. Это одно из трех постановлений, касающихся женщин, между тем как мужчины (женатые и

холостые) должны были строго соблюдать весь закон, содержащий не менее 613 постановлений о том, что можно и что нельзя делать*.

Мать Леона Гали обычно освящала свои свечи задолго до заката солнца, используя самые крупные, чтобы их хватило на весь вечер. Леон любил смотреть, как она делает над ними круги руками, желая дать им свое полное благословение, одновременно молясь Богу о просвещении. Затем она молилась о своей семье и своем народе.

Раввины придавали соблюдению субботы большое значение. Как тогда, так и в наши дни суббота праздновалась как царица, или невеста, со специальным порядком поклонения и молитвами. Один из гимнов, который и сегодня поется в субботний вечер в синагогах, называется «Леха-Доди». Он написан раввином Шломо Халеви Алкабездом в 1540 г. и переложен на более чем тысячу мелодий в синагогах и еврейских домах по всему миру.

Возвращаясь с отцом домой из синагоги, Леон ощущал присутствие невидимых святых ангелов, посланников неба, посланных Богом для участия в праздновании субботы. По тогдашнему обычаю, отец и сын приветствовали их пением «Шалом Алейхем»: «Мир вам, ангелы мира, служебные духи всевышнего Царя царей! Святой Боже, благослови нас Твоим миром...» На почетном месте празднично накрытого стола ставились два очень важных символа: хлеб и вино. Специальный хлеб, выпеченный из муки высшего качества, готовили дома или брали в пекарне. На стол клали два таких хлеба, накрывая их белоснежными салфетками. Они представляли два рода хлебов (Лехем ха-Паним) – хлебов предложения в святилище, полагаемых пред лицом Божиим каждую субботу (Исх. 25:30; Левит 24:5–9). При хлебе всегда было вино, приготовленное из неперебродивших изюмин. Субботний хлеб-хала плетется в одну косу из трех полосок теста, но, испеченный, он составляет один хлеб. Существовал обычай приглашать к субботнему столу странников и бедных, которые, по разным причинам, не могли провести этот благословенный праздник со своими семьями.

Первой церемонией в пятницу, с закатом солнца, т. е. наступлением субботы, было благословение чаши (Киддуш), при котором вспоминали последний акт творения и установления субботы и читался текст Писания (Быт. 2:1–3). Текст повторяли мужчины семьи за каждой едой, поднимая бокал с вином.

После традиционного омовения рук отец поднимал хлеба и благодарил Бога. Затем простой хлеб, приготовленный для еды на ужин, разделяли между членами семьи. Во время еды пели песни хвалы и воспоминания Иерусалима и Царя Мессии. Приглашенные гости делились своими переживаниями и радостями, придавая празднованию субботы неформальный характер. Каждое принятие пищи в субботу освящалось пением «Аткеину Саидата», представляющим Бога в трех ипостасях: за первой трапезой («Аткина Кадиша») – как Ветхого днями (Дан. 7:13); за второй трапезой («Заир Анпин») – Славу Шхины, как видимого Богоявления; за третьей трапезой пелась песнь хвалы имени «Кахал Тапучин», или «Мелха ха-Машиах» (Царю Мессии). Третье, последнее принятие пищи в субботу, так называемое «Шлоа Сеуда», заканчивалось церемонией «Хавдала» (отделение), потому что после этой еды наступало отделение святой субботы от остальных дней недели⁸. Этому раввины тоже придавали особое значение, которое строго соблюдалось в семье Леона.

Принято было делить пищу с представителями того сословия, к которому принадлежал отец Леона. Все приносили продукты со своих семейных столов, делили пищу друг с другом и слушали рассказы раввинов. Будучи священником, отец Леона тоже произносил речи за этими трапезами. После такого общего застолья скатерть убирали со стола и кубок наполняли до краев вином, выражая благодарность Богу за обильные благословения словами из Псалма: «... Чаша моя преисполнена» (22:5). Стоя с поднятым бокалом в руке, отец Леона произносил

⁸ Речь идет о ритуале отделения, освящения субботы – это молитвенное провозглашение священного и непреходящего статуса субботы, дарованной Богом.

слова из книги пророка Исаии: «Вот Бог – спасение мое: уповаю на Него, и не боюсь; ибо Господь – сила моя, и пение мое – Господь; и Он был мне во спасение» (12:2). Это благословение произносилось при зажженной свече, что само по себе тоже имело мистическое значение. Свеча была сплетена из трех разноцветных полосок парафина: синей, красной и белой. При горении три цвета сливались в один. Маленький мальчик чувствовал себя польщенным, когда ему разрешали держать зажженную свечу Хавдала, и ему было приятно смотреть на то, как три цвета сливались в одно яркое пламя.

Как мы уже сказали выше, третье пение за последней субботней трапезой было посвящено Мессии – «Давид Мелха ха-Машиах». Затем отец пел торжественно, в минорном тоне, гимн «Бене Ха-хло»: «Находящиеся во внутреннем дворе и желающие увидеть «Заир Анпин», смотрите на эти символы, как на явление лика Царя».

После этого все пели еще один гимн, на этот раз в честь пророка Илии, с вопросом к нему: «Скоро ли придет к нам Мессия, Сын Давидов?»

Друзья собирались, чтобы попрощаться с царицей-субботой и с «Нешама Етера» – лишней душой. Мистики верят, что Бог посылает Своим верным на время субботы «добавочную душу» для соблюдения этого дня предписанным образом.

Суккот

Другим приятным временем в праздничном цикле семи еврейских праздников было соблюдение праздника кущей. В согласии с постановлением (Левит 23:42–45), каждый еврей должен был построить себе шалаш для проведения в нем одной недели. Делалось это в память о странствовании израильтян по пустыне после их избавления из Египта.

Леон с большим удовольствием присоединялся к отцу. Шалаш был красиво украшен и служил приятной переменой в обычном течении жизни. Последний день этого праздника – «Симхат Тора» – посвящался прославлению Божьего Закона и был действительно радостным днем для стариков и молодых. Старики радовались, что могли весь год отмечать субботы и читать отрывки из Закона, а когда заканчивалось чтение последнего отрывка, они могли свернуть свиток обратно к началу, к книге Бытия, чтобы потом снова начинать читать святой Закон.

Праздник всегда отмечался торжественным шествием в синагоги, где свитки Закона вынимали из ковчегов и несли над толпой у всех на виду. Присутствующие, от мало до велика, считали честью нести свиток Торы, а мальчики несли хоругви и транспаранты с горящими свечами на древках. Молитвы произносили нараспев, буквально разыгрывая сцену, когда царь Давид принес ковчег завета домой и танцевал от радости перед ним (1 Пар. 16:28–29). Этот праздник резко отличался от предыдущих, серьезных и торжественных, сопровождавшихся плачем и постом, – Нового года и Дня искупления.

Пасха

Более всех других праздничных дней Леон любил пасхальную неделю, полную радостного волнения, когда все в доме переворачивалось вверх дном для тщательной уборки и церемониального омовения. К 14-му числу месяца Нисана дом нужно было очистить от присутствия даже самых мелких крошек квасного хлеба, после чего в течение семи дней в доме мог оставаться только пресный хлеб (Исх. 12:19–20).

Во время праздника вся семья должна была надевать новую одежду и обувь, все в доме, включая пищу и посуду, было необычным. Из тщательно отобранной пшеничной муки, только на воде и без соли, евреи пекли пресный хлеб мацот (мацу). Пшеница для этой муки, от дня ее уборки с полей и в течение всего процесса помола, охранялась от всяких примесей. Даже вода для теста была необычной, родниковой, и тоже тщательно охранялась от всяких загрязнений.

Любая, даже микроскопическая примесь оскверняла чистоту продукта. Мацот пекли в специальных печах или пекарнях, где обычно выпекали сдобный хлеб, но только после очищения этих печей раскаленным докрасна огнем.

Отец был одет в белоснежную одежду, на голове у него была вышитая или бархатная ермолка. На столе перед ним стояла особая, пасхальная трехэтажная тарелка с тремя лепешками пресной мацы – Мацот Шмура, испеченными мужчинами-хасидами, строго соблюдавшими все приготовления. Их покрывали чистыми салфетками. На отдельное блюдо клали другие пять символов: баранью косточку, крутое яйцо, горькие травы (хрен), петрушку и харозет – смесь из раскрошенного миндаля и других орехов с вином, чтобы было похоже на мокрую глину. Мисочка с соленой водой ставилась в центре этого блюда или перед ним. Все эти символы служили напоминанием о пережитом Израилем в Египте, включая ночь поспешного и чудесного избавления и перехода через соленые воды Чермного моря.

Причина, почему евреи сегодня не едят пасхального ягненка, как это было когда-то в Египте, но ставят на стол его символ (голенную косточку), кроется в повелении: «И заколай Пасху Господу, Богу твоему, из мелкого и крупного скота на месте, которое изберет Господь, чтобы пребывало там имя Его... Не можешь ты заколоть Пасху в котором-нибудь из жилищ твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе; но только на том месте, которое изберет Господь, Бог твой, чтобы пребывало там имя Его, заколай Пасху вечером при захождении солнца, в то самое время, в которое ты вышел из Египта...» (Втор. 16:2, 5–6). Поэтому голенная (от слова голень) косточка – это только напоминание, символ Пасхального Агнца. Также яйцо – символ «Корбан Хагига», обычного праздничного приношения, приносить которое вне святилища тоже было запрещено Богом. Эти два памятных символа служат только напоминанием и не едят, как всё другое.

Во время седера (пасхального ужина) Леон должен был задать своему отцу четыре вопроса. Хотя обычно еврейским детям не разрешалось задавать вопросы, для данного случая делалось исключение. «И когда скажут вам дети ваши: что это за служение? скажите: это пасхальная жертва Господу, Который прошел мимо домов сынов Израилевых в Египте, когда поражал Египтян, и дома наши избавил» (Исх. 12:26–27). В ответ на эти четыре вопроса, которые относились ко всему празднику Пасхи и связанным с ним процедурам, отец читал историю о чудесном избавлении израильского народа и его исходе из страны рабства, из Египта. Леону хотелось услышать всю историю из Слова Божьего, но раввины предписывали рассказывать ее с большими подробностями, что было весьма утомительно для маленького мальчика, который был к тому времени голодным и сонным. Но выхода не было, и ему снова и снова приходилось выслушивать все до конца, пока маме, наконец, разрешили подавать праздничный ужин.

Одна процедура пасхального вечера всегда пугала Леона. В определенный момент отец вдруг открывал двери, и все поворачивали головы в ожидании появления пророка Илии, для которого в центре праздничного стола был приготовлен бокал вина. Это была самая многозначительная и торжественная часть пасхального ужина. Будучи ребенком, Леон не вполне понимал значение этого необыкновенного вечера, но, повзрослев, он понял символику пасхального ужина. В частности, открытые для пророка Илии двери указывали на пришествие Избавителя Израиля – Мессии. Он запомнил слова отца о том, что это особенная ночь: «Это – ночь бдения Господу за изведение их из земли Египетской; эта самая ночь – бдение Господу у всех сынов Израилевых в роды их» (Исх. 12:42).

Леон дорожил еврейской традицией, согласно которой по сей день в определенный момент пасхального ужина все ожидают появления Илии, вечно живого пророка, предвестника Мессии. По сей день в его честь принято наполнять вином специальный кубок – кубок Илии, украшенный резьбой, изображающей разные сцены из его жизни, как, например, случай, когда он воскресил сына вдовы, бесстрашно обличил царя Ахава (3 Цар. 17:22; 18:17 и

далее). Предание гласит: пока бокал наполнен, двери открываются без страха, чтобы впустить пророка искупления. И не это ли ночь ожидания Господа?

Страх перед крестом

Леон, еврейский мальчик, рос в постоянном страхе перед крестом. Он избегал любых контактов с христианами. Так называемые «христиане» из его окружения не влияли на него положительно и ничем не привлекали к себе. Как правило, жившие вокруг Леона неевреи были враждебно настроены против евреев. Нееврейские мальчики при встречах толкали и били еврейских детей. Из выходявшего на улицу окна родительского дома Леон видел огромное распятие, которое для него было символом страха и трепета. В воскресные и праздничные дни, когда крестьяне из окрестных деревень приходили в город, они сперва собирались вокруг распятия на перекрестке, кланяясь и молясь перед ним нараспев, и горе было тому еврею, который попадался на их пути в это время.

Не раз бывало, что по дороге домой из школы Леону приходилось терпеть нападки какого-нибудь «христианина», молившегося у распятия. После нескольких таких нападений он обратился со своим детским горем к родителям, но получил от них такой ответ: «Дитя, мы ничего не можем сделать. Мы – евреи в изгнании и находимся в руках необрезанных. Язычники всегда преследовали евреев, потому что мы другие и верим в живого Бога». И тогда родители рассказали Леону о крестоносцах, о гонениях и мученичестве, и об ужасной лжи, возводимой на евреев христианами, вроде того, что «на свою Пасху евреи примешивают в мацу кровь христиан» или «ловят нееврейских детей для жертвоприношений». В результате этих злостных слухов многие евреи гибли в погромах именно во время празднования христианской Пасхи.

Сердечко Леона ныло от страха и боли от этих рассказов, потому что он знал, что пасхальный хлеб приготавливали со щепетильной заботой именно о чистоте ингредиентов теста. Он знал о том, каким строгим был закон в отношении употребления в пищу любого вида крови (Левит 7:26–37; 17:10–14). Когда Леон спросил: «За что же другие народы так преследуют евреев?», – он так и не получил ответа, но родители предупредили его, чтобы он держался подальше от распятия у дороги и вообще от христиан.

Детская шалость

Уроки, которым Леон был так прилежно посвящен, утомляли мальчика. Живой и подвижный, он ощущал потребность хотя бы в малой доле свободы. Монотонность сидения в душном классе иногда удручала его. Слишком мало времени оставалось для того, чтобы «подышать свободно», как говорили его соученики. Праздники тоже не были похожи на каникулы. Богослужения в синагоге с монотонными, нараспев, длинными молитвами требовали много времени. Единственным, что доставляло удовольствие, была праздничная пища, приготовленная ласковыми руками матери Леона и принимаемая в тесном семейном кругу. Но между едой и долгими службами в синагоге по субботам были еще другие религиозные праздники и занятия, вроде заучивания наизусть Псалмов, изучения «Пирке Авод»⁹ и Песни Песней, а также обязательного и довольно частого посещения родственников.

Однажды что-то случилось с учителем, и занятия прекратились на весь остаток дня. Вместе с другими, такими же живыми, как он, мальчиками Леон решил использовать свободное время на шалости. В числе разных игр, в которые они обычно играли, была игра, называемая «лошадиные гонки». Трое ребят взяли за руки и помчались по улице наперегонки с тремя другими ребятами, но по пути, со всего разгона, налетели на старушку, сбив ее с ног и пора-

⁹ «Пирке Авод» – талмудический трактат с изречениями раввинов II–IV вв.

нив. Об этом неприятном происшествии было доложено директору школы. В острастку другим, учитель назначил суровое наказание Леону как зачинщику-проказнику. Его переодели в «гусара», закатали одежду до плеч, как солдатский мешок, а на голову надели шапку из картона. В таком виде он должен был пройти «сквозь строй», а его соученики «не щадили розги». Правда, потом и они получили свою порцию наказания.

Детство Леона не было светлым и радостным. У него совсем не оставалось времени для беззаботных игр и развлечений, свойственных нееврейским мальчикам его возраста. С самого раннего детства бремя раввинского закона легло на его тщедушные плечики. «Не радуйся, Израиль, до восторга, как другие народы...» – эти слова из книги пророка Осии (9:1) относились и к детям. Поэтому Леона воспитывали «в страхе Господнем», но не в смысле благоговения перед Ним, а именно в боязни Его.

Подготовительные занятия

Подготовительные занятия по еврейскому языку продвигались с огромной быстротой. Первый этап был пройден Леоном в рекордный срок, и он научился бегло читать по-еврейски. Он был переведен на высший курс и стал студентом Святой Торы (Пятикнижия Моисеева). Леон считался смышленным учеником, с хорошо развитыми умственными способностями, так что на этом уровне он избежал ударов учительской плетки.

Изучение Священного Писания начиналось не с первой его книги, Бытия, а с третьей книги – Левит (Тора Коханим). Сперва Леон должен был познакомиться со служением священников, каким оно было когда-то во святилище. Родители радостно ожидали начала этого курса, да и сам Леон был доволен собой. В его честь был устроен домашний праздник – с приглашением друзей и преподнесением подарков за прошлые успехи. Похвала и поощрение стимулировали гордость в сердце «героя» дня и усиливали его рвение в дальнейшем состязании с мальчиками средней школы.

Теперь Леон должен был проводить в школе все часы, с самого раннего утра и до позднего вечера. Еду ему приносили или присылали прямо в школу. Для вечерних часов родители снабжали учителей свечами, которые в то время были сальными, что в общем-то было выгодно усталым мальчикам. Они всеми силами старались укоротить срок их горения. Иногда ребята подсыпали в них немного песку вокруг фитиля, и свеча начинала капать.

Учителя были особенно строги в своих требованиях к Леону в области заучивания наизусть. Зубрежке, казалось, не было конца. «Никто не знает, что может случиться с нашим народом в окружении врагов, – говорили учителя. – Нам опять могут запретить изучение священных книг, как уже не раз бывало в прошлом, так что необходимо заучивать их наизусть, чтобы Израиль не забыл Божий Закон». Воспоминания о первых годах учебы, о холодных и даже морозных днях, долгих зимних вечерах с бураном за окном на обледенелых улицах, навсегда остались в памяти Леона.

Самоуважение

Отец Леона, Елезар, был очень строгим к себе и аскетичным, что у еврейских священников считалось признаком благочестия. В жизни своего первенца он не терпел упущений, на которые другие родители могли бы не обратить внимания. Елезар всегда подчеркивал важность уважения к себе, говоря: «Никогда не забывай, чей ты сын, и того высокого призвания, которому ты себя посвятил». Такие постоянные напоминания были не всегда приятными, но предупредительными мерами, и в будущем Леон не раз оценил строгость своего отца.

Мать Леона, Гали, в противовес отцу, была мягкой, снисходительной и ласковой к своему любимцу. Когда отец бывал слишком строг, она, с огромным тактом, выступала в роли ангела-

хранителя своего малыша, и это успокаивало и утешало Леона. Влияние матери было очень сильным в жизни мальчика. Она помогала ему во всем, чтобы он глубоко познал духовные истины Священного Писания.

После Леона в семье родились еще пятеро детей – три мальчика и две девочки, но один мальчик умер очень рано.

Первая и последняя сигарета

Курение заразительно среди еврейской молодежи всех классов. Они учились этому от своих отцов и дедов и даже от учителей и раввинов, которые курили не только дома, но и в синагогах. В раввинских семинариях студенты видели, как деканы курили папиросы или трубки. И даже знаменитые цадики занимались тем же. Не удивительно, что еврейский мальчик рано становился рабом этой гнусной привычки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.